

СТРАСТИ ХРИСТОВЫ В ТВОРЧЕСТВЕ СВЯТИТЕЛЯ ДИМИТРИЯ РОСТОВСКОГО

В историю литературы святитель Димитрий (Туптало), или иначе Димитрий Ростовский (1651–1709), вошел как создатель полного собрания житий святых. Это великое произведение, возможно, немного заслонило собою еще один цикл сочинений, который делает творчество Ростовского святителя особенно выдающимся на фоне церковной литературы.

Мы имеем в виду цикл произведений, посвященных Страстям Христовым. К нему относятся проповедь «На страдания Господа нашего Иисуса Христа», несколько молитвенных воспоминаний в разных литературных формах, молитвенное правило для чтения в пятницу и так называемые «Пяточисленные молитвы».

Необходимо отметить, что для восточной христианской традиции, в отличие от западной, до эпохи барокко (XVII–XVIII вв.) не было характерно пристальное внимание к физическим страданиям Христа. Так, мы не найдем практически ни одного поучения или проповеди в древней и средневековой литературе, которые были бы посвящены именно телесным мукам Христовым. В литературе православного Востока скорее можно встретить размышления о значении крестной смерти для существования мира (см. например, проповеди Ефрема Сирина, Григория Паламы, Кирилла Туровского и др.), о жадности Иуды, о смерти Христовой как жертве. Даже богослужения Страстной седмицы посвящены более предательству Иуды и почитанию долготерпения Божия, чем сопереживанию телесным страданиям Христа. Единственное богослужение, которое вспоминает поочередно телесные раны, — утренняя Велико-

го Пятка. Известно, что в Православной Церкви есть традиция на этой утрени не произносить проповеди, во-первых, потому что Его страдания больше всех слов, а во-вторых, чтобы почтить эту боль тишиною. Возможно, эта традиция объясняет факт отсутствия страстных произведений в древней и средневековой литературе. Так или иначе, но существует определенное представление о православном восприятии Страстей Христовых, которое позволило С. Булгакову однажды написать: «Не образ Христа Распятого вошел в душу русского народа и овладел ею»¹.

Однако именно к образу распятого Христа призывает нас проповедь эпохи барокко — вспомним произведения архимандрита Иоаникия Гальятовского, игумена Антония Радивиловского, архимандрита Кирилла Транквилиона-Ставровецкого и святителя Димитрия Ростовского, который, по нашему мнению, достиг в освещении этой темы совершенства.

Для произведений святителя Димитрия характерно пристальное внимание к Христовым страданиям, как к душевным, так и телесным. Сопереживание Иисусу является главной идеей указанного цикла сочинений святителя. Он как будто сам переживает всю эту боль, представляет себе кровавые раны, посиневшее лицо, дрожащее от слабости и холода тело, пронзенные на Кресте руки и ноги Христа, а более всего — страдания сердца, которое не находит понимания в людях.

«О, что я вижу? — восклицает св. Димитрий в одном из произведений страстного цикла, “Плачь на погребеніе Христово”, — Страшное, ужасное видѣніе! О что я вижу? Вижу то, чего не видѣли очи праотцевъ отъ начала вѣковъ. Кто вѣдь когда-нибудь виделъ Бога обнаженнаго, избитаго, увѣчаннаго терніемъ, напоеннаго оцтомъ съ желчію, израненнаго гвоздями и копьемъ и умершаго?.. Вижу пречистое, преблагословенное тѣло Христа моего... — все окровавленное, все израненное, растерзанное, какъ вѣтище. Не имеющее целости съ ногъ до головы»².

Трогательны слова св. Димитрия о сердце Спасителя: «Сильно разжено было сердце Христово, разжено же любовію, безмѣрно горящей къ человѣку, а чтобы прохладиться немного отъ этого жара, изволилъ принять внутрь сердца Своего холодное желѣзо, дабы холодный вѣтеръ прошелъ теплоту сердечную: ребра открылъ, какъ дверь, сердце же, принявъ рану, стало какъ открытое оконце. Поднимись же, северъ, и прииди, югъ, и по-вѣйте въ сердцѣ Любителя нашего, сгорающаго смертно отъ безмѣрной любви къ намъ»³.

¹ Иоанн (Кологривов), иером. Очерки по истории русской святости. Siracusa, 1991. С. 293.

² Творения иже во святых отца нашего св. Димитрия Ростовского. СПб., 1910. С. 149–150.

³ Там же. С. 151.

Интерес к теме Страстей подтверждается и некоторыми особенностями молитвенной практики св. Димитрия, о которой мы узнаем из его дневника, так называемого «Диариуша»: иногда святитель подолгу лежал в позе креста, вспоминая муки Иисуса и произнося в уме молитву. Как пишет исследователь древнерусской святости иеромонах Иоанн (Кологривов), «Страсти не были для Димитрия, между всем прочим, объектом обычного поклонения. Вся его жизнь протекала и укреплялась под сенью Креста»⁴. Вспомним и слова самого святителя Димитрия: «Каждый христианский благочестивый человек есть Церковь Христа Бога нашего. В этой Церкви есть и Крест. Он есть постоянная память про страдания Христовы»⁵. К этой памяти и призывают христиан его литературные произведения.

В чем причина такой особенности произведений святителя Димитрия?

Вариант ответа на этот вопрос обозначил современный ученый-медиевист архиепископ Игорь (Исиченко): «Атмосфера православной Реформы, культура синтеза восточной патристики и томистского богословия, византийского исихазма и испанской мистики отразились на всем духовном наследии Свт. Димитрия»⁶. Итак, источник особенной страстной мистики святителя Димитрия следует искать в характере той эпохи, в которую он жил и творил. Вспомним и высказывание профессора Д. И. Чижевского о характерных чертах эпохи барокко: «Картины мук Христовых или “умучений” святых никогда еще не достигали такого совершенства, как в это время»⁷.

Одну из причин этой черты украинского барокко, которую Д. И. Чижевский обозначил как эстетику «за гранью красоты» (ср. название его статьи, посвященной барочной литературе, «Поза межами краси»), исследователь видит в многострадальности эпохи. Это был период бесконечных междоусобных войн, борьбы за независимость украинских земель, когда, по словам летописца Григория Грабянко, столько людей пало на поле брани, что невозможно было всех похоронить⁸, и кости оставались лежать непокрытыми на земле на целые столетия. В этот страшный

⁴ *Иоанн (Кологривов), иером.* Очерки по истории русской святости. Siracusa, 1991. С. 293.

⁵ Там же. С. 294.

⁶ *Ігор (Ісиченко), архієп.* Завершальна постать Могилянської доби. До 300-річчя упокоєння святителя Димитрія Туптала // *Наша віра. Серпень-вересень*. 2009. № 8–9 (256–257). С. 3.

⁷ *Чижевський Д. І.* Поза межами краси (до естетики барокової літератури) // *Слово многоцінне. Хрестоматія української літератури, створеної різними мовами в епоху ренесансу та в епоху бароко. Книга друга. Література високого бароко (1632–1709 р.)*. К., 2006. С. 42.

⁸ *Збірник козацьких літописів. Густинський, Самійла Величка, Грабянки*. Київ, 2006. С. 880.

период истории человек был особенно чуток к рассказам о физических страданиях, особенно ярко представлял их себе, и барокко, для которого характерно стремление поразить человека, заставить его вздрогнуть от сильного и глубокого впечатления, оказалось, по словам Д. И. Чижевского, «влюбленным в тему смерти»⁹. Погружение в эту тему мы найдем у многих европейских писателей эпох ренессанса и барокко, достаточно вспомнить Данте и его «Божественную комедию».

Для предположения, что св. Димитрий мог что-то перенять из католической практики, есть определенные основания: он обучался в Киево-Могилянской академии, для которой была характерна определенная толерантность к другим христианским конфессиям. Ее выпускники владели древнееврейским, греческим и латинским языками и могли свободно читать восточных и западных богословов в оригинале. Читал их и будущий святитель. Что касается восточных писателей, то св. Димитрий в одном из произведений указывает имена тех, кто писал о крестной смерти Спасителя: «св. Афанасій Великій, св. Евсевій Самосадскій, св. Іоаннъ Златоустый, св. Киприанъ, св. Елифаній Кипрскій, св. Амвросій Медиоланскій, св. Феодоритъ, св. Іеронимъ, св. Іоаннъ Дамаскинъ, св. Леонтій, папа Римскій, св. Іоаннъ Лествичникъ, св. Исидоръ Пелусіотъ и прочіе святые»¹⁰. Известно, что имел святитель и сочинения западных богословов в личной библиотеке, на латинском и польском языках, а следовательно, и они входили в круг его чтения, и их страстные произведения он читал.

Не стоит, однако, забывать, что Киево-Могилянская академия существовала в эпоху острого противостояния православного и католического вероисповеданий, в период напряженной полемики между западными и восточными богословами, в связи с чем можно предположить, что чтение католических авторов было необходимо именно в полемических целях. По крайней мере, представить себе какое-то тяготение к католическому богословию как таковому в тот период, когда именно оно довлело над православием и пыталось вытеснить православие с украинских земель, было бы сложно. Мы в данном случае говорим не о догматическом богословии, с точки зрения которого могилянские проповедники оставались в русле православной традиции, но о вдруг вспыхнувшем с удивительной силой внимании к страстной теме. Интерес к этой теме вполне мог быть продиктован чтением западных авторов, знанием католического богослужения, вследствие чего, вероятно, появилось естественное желание дать *православный взгляд на страдание распятому Христу*, ввести

⁹ Чижевський Д. І. Історія української літератури (від початків до доби реалізму). Нью-Йорк, 1956. С. 275.

¹⁰ Творения иже во святых отца нашего св. Димитрия Ростовского. СПб., 1910. С. 148.

столь важную тему в круг православной проповеди и в православное молитвенное правило.

Итак, эпоха барокко, как и атмосфера Киево-Могилянской академии, могла быть источником определенного настроения, которое подвигло православных проповедников заговорить о Страстях Христовых, раскрыть эту тему. Но, если мы исследуем конкретный текст, или, в нашем случае, цикл сочинений святого Димитрия Ростовского, то было бы интересно найти его литературный источник, то есть другой текст, который повлиял на творчество Димитрия и задал ему определенное направление. Поиски привели нас к двум возможным предположениям.

Первое. Можно предположить, что литературным источником для святителя Димитрия было католическое страстное богослужение, которое несколько отличается от православного. В средние века в Католической Церкви получила распространение традиция особых страстных богослужений, сосредоточенных на сопереживании Христовым мукам, на отдельном воспоминании каждого эпизода страстных дней, в частности, подсчет того, сколько раз Христос упал, когда нес Крест, и кто отер платком Его лицо. Есть в католической традиции и особенное почитание Христовых ран и Христового сердца. В католическом страстном богослужении, в отличие от православного, не только позволяет проповедь на страдания, но даже предусмотрена самим чином богослужения проповедь о каждом из десяти эпизодов Крестного пути (служба *Via Crucis*). Эта традиция не могла не породить цикла страстных проповедей и поучений, то есть ввести страстную тему в католическую литературу. Даже поверхностный анализ *Via Crucis* и произведений святителя Димитрия Ростовского позволяет увидеть определенную переключку содержания и выяснить, что св. Димитрий еще пристальнее, чем католическое богослужение, всматривается в каждый эпизод, стараясь мысленно увидеть все подробности крестной смерти Спасителя.

Возможно, это говорит о личной писательской особенности св. Димитрия, его авторском стиле. Однако авторский стиль всегда свидетельствует об особенности писательского мировосприятия. Это последнее у св. Димитрия было сформировано не только обучением в академии и духом православной Реформы, но также и духом народных православных вековых традиций. Тут мы можем предположить литературный источник страстных произведений святителя Димитрия, который имеет украинско-белорусское происхождение.

Полное название этого произведения — «Сказание о вольном страдании и о тайной вечере Господа нашего Иисуса Христа, како волею своею нашего ради спасения страсть претерпе», но популярна эта книга стала под сокращенным названием «Страсти Христовы». Это интереснейший памятник украинско-белорусской литературы XV века, который пред-

ставляет собой обработку апокрифичного «Евангелия от Никодима», содержащего подробное историческое повествование о последних днях Иисуса Христа, написанное с поучительными и молитвенными интонациями.

«Страсти Христовы» возникли в эпоху Ренессанса на землях Великого княжества Литовского, когда в условиях начинающейся экспансии католической культуры православному читателю было крайне необходимо иметь собственную религиозную литературу в противовес западной. Вероятно, это обусловило быстрое распространение «Страстей», которые уже в конце XVI века дошли до Московии, а в XVII столетии вытеснили собою «Евангелие от Никодима», столь популярное на Руси еще с XII века и сохранившееся во множестве рукописных списков. Дошли «Страсти Христовы» и до наших дней в большом количестве экземпляров в составе старообрядческого литературного наследия. Эта книга традиционно читалась в дни Страстной седмицы, на что есть указание в самом тексте. Читали ее также после того самого богослужения в Великий Пяток, которое по традиции оставалось без проповеди. Таким образом, «Страсти Христовы» заменяли собою проповедь в этот день, и эта тема больше не оставалась в полном молчании.

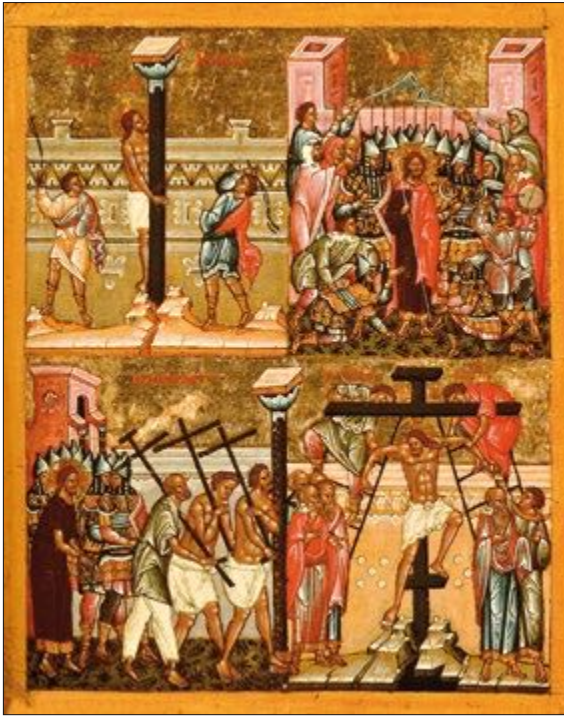
Те главы «Страстей Христовых», в которых рассказывается о последних мучениях Христа и о страданиях Богородицы, написаны с необыкновенной трогательностью и проникнуты искренним чувством сострадания Спасителю и Его Матери. Подробности, рассказанные в этой книге, отсутствуют в канонических Евангелиях, их писатель мог почерпнуть только из церковного предания о Христе и Богородице, иначе говоря из тех апокрифических произведений, которые не вошли в канон Священного Писания, но сохранились в церковной литературе, в частности, в богослужебных текстах, получив статус Священного Предания (например, «Евангелие от Никодима», «Евангелие от Иакова», известное также как «История Иакова о рождении Марии», «Об успении Марии» и другие). Именно эти умиленные описания были особенно дороги благочестивому читателю и его сострадательному сердцу. Приведем один пример:

«Пречистая же Госпожа Богородица въ той часъ уразумѣ, яко сыну Ея веле зло содѣяся, понеже бо и сердце Ея въ Ней сокрушашеся, еще въ нощи той, егда претерпѣваше страсти плотию божественною Сынъ Ея Иусъ Христосъ отъ беззаконныхъ жидовъ. И вскоре поиде во святыи градъ Иеросалимъ, съ женами мѣроносицами, и со иными женами, иже съ Нею всегда пребываху. Они же держаше Ю подъ руке, да не како отъ печали оразитися о землю и умереть, и ублажаху Ю умильными словесы»¹¹.

¹¹ Страсти Христовы. М.: Христианская типография при Преображенском богадельном доме, 7419 (1910/1911). Л. 91.

С популярностью «Страстей» в XVI–XVII веках можно связывать возникновение на Украине чина пассии, который стал следующим шагом в раскрытии страстной темы. Пассии (лат. *passio* — страдание, *ц.-сл.* страсть) — это четыре, по количеству евангелистов, великопостных богослужения, полностью посвященных страданиям Христа, которые были введены в богослужебный круг митрополитом Петром Могилой и совершались в четыре великопостные пятницы или воскресения. Пассии, хотя и имеют название латинского происхождения, представляют собою сокращение православного богослужения на Великий Пяток. В отличие от этой службы, пассии не содержат долгих чтений, состоят из двух наиболее скорбных и мелодичных страстных гимнов, а главное — обязательно заканчиваются проповедью. Введение пассий в богослужение при митрополите Петре Могиле, как и распространение книги «Страсти Христовы», позволяет говорить о каком-то особенном духе эпохи, особенном интересе к теме страданий и крестной смерти Иисуса Христа. Если до Могилы тема Страстей Христовых возникала в великопостном богослужении только на последней неделе поста, то теперь, благодаря пассиям, — почти на каждой седмице. Чин пассии не только получил широкое распространение в эпоху барокко, но и сохранился до наших дней.

На наш взгляд, глубокую заинтересованность темой Христовых страданий правильнее связывать не с определенной толерантностью к католической культуре, и, соответственно, с влиянием западного богословия на восточное, а с предыдущей эпохой второго южнославянского влияния. Культура этой эпохи несла в себе погружение в тему обожения, а, следовательно, и сострадания Сыну Человеческому, что обусловило высокое развитие православного богословия и возникновение новых литературных произведений, новых молитвенных и богослужебных текстов в период позднего Средневековья. Эпоху второго южнославянского влияния некоторые ученые называют православным церковным возрождением, потому что именно в те века, с середины XIV до конца XV, православное богословие достигло своих вершин и, благодаря святителю Григорию Паламе, осветило одну из важнейших и глубочайших основ православного вероисповедания. Св. Григорий Палама и его последователи развили учение о познании Бога и обожении, то есть стяжании святости, посредством непрестанной безмолвной молитвы Иисусовой, которая освящает человека и делает его подобным Богу по благодати. Это учение о возможности богообщения и совершаемого через него богопознания, получившее название исихазм, не было принято католической культурой. Именно оно в XIV веке стало тем вопросом, который навсегда разделил западную и восточную традиции. Период после паламистских споров стал эпохой развития православной культуры, которая, как бы обогатившись новым знанием про богообщение и богопознание, испытала вели-

Четырехчастная икона «Страсти Христовы». XV в. Новгородский государственный объединенный историко-архитектурный и художественный музей-заповедник

кий подъем, захлестнувший не только Византию и Святую гору Афон, но и все славянские страны. Именно в этот период на украинско-белорусских землях возникла книга «Страсти Христовы», отражающая основные стилевые тенденции эпохи.

Даниил Гуптало, будущий святитель Димитрий, с детства воспитывался в этом духе заинтересованности темой Страстей, ежегодно присутствовал на пасхальных и, вероятно, читал «Страсти Христовы» по традиции на последней седмице поста. Формирование его личности происходило в атмосфере великого почитания Христовых страданий, и это отразилось на его мировосприятии и аскетической практике. Отразилось это и на художественном стиле св. Димитрия.

Мысль о том, что «Страсти Христовы» являются наиболее вероятным литературным источником страстных сочинений святителя Димитрия, подтверждает и сравнительный анализ произведений.

Мысль о том, что «Страсти Христовы» являются наиболее вероятным литературным источником страстных сочинений святителя Димитрия, подтверждает и сравнительный анализ произведений.

«Страсти Христовы»
[*Страсти Христовы*
1910/1911, Л. 83, об.]

Димитрий Гуптало
«Благодарственное воспоминание
страданий Христовыхъ»
[*Димитрий Гуптало. 1910. С. 144*]

Беззаконні же воїни жидовські
начаша бити не милостиво Хри-
ста жезліємъ суковатымъ ...

... терновими розгами остистими,
остроузловатыми бичьми и уздами
железными гаковатыми толь неми-
лостивно біємъ ...

И гдѣ пречистое Его тело ударяху, ту отторгашеся святая плоть Его съ кровію и падаше на землю, яко мало не все тѣло Его святое отпаде...

раны пертерпелъ еси, яко Божественное тѣло Твое отъ костей отбіено висяше...

И аще бы былъ простъ человекъ, то бы и смерть вкусилъ: но понеже бысть вкупѣ Богъ и человекъ, сего ради преизлишше и сильне страсти терпяше...

Отъ толикихъ ранъ и болѣзней умрети по естетству принужденъ былъ еси; но Божество безстрашно пребысть, бытие всей твари даруя.

И биша по тѣсному венцу, и отъ острія терновнаго святую главу Его пронзоша даже до мозга...

По терновомъ вѣнцѣ тростіями и палицами отъ всея крѣпости ударенный, и тѣмъ Твою честную главу и пресвятую глубочайше пронзоша терновыми остіи, отъ ниже остія въ мозгу Твоемъ унзоша.

Такие подробности Христовых мук, как, например, отпадение тела от костей или прохождение тернового венца до мозга не могли быть известны святителю Димитрию из Евангелия, потому что канонические Евангелия ничего не говорят об этом. Но эти эпизоды, как мы видим, достаточно подробно описаны в книге «Страсти Христовы». Приведенная же цитата с размышлениями о возможности смерти после жестоких побоев и невероятное терпение Христа как Бога показывает, что не только содержание «Страстей» является источником произведений св. Димитрия, но частично и стилистика. Так, в третьем из цитируемых фрагментов четко прослеживается параллелизм синтаксических конструкций: в обоих случаях перед нами сложносочиненное предложение с союзом «но».

Мы демонстрируем лишь небольшую часть сравнительного анализа, но даже в этих цитатах можно увидеть, с одной стороны, ярко выраженную преемственность, а с другой — уже указанную особенность святителя Димитрия Ростовского как писателя: он не удовлетворяется подробностями «Страстей» и делает свои произведения еще более сосредоточенными на страданиях Христа. Например, сравним описания оружия Христовых мук: в «Страстях» это «жезлия суковатая», у Димитрия — «Терновыя розги остистыя, остроузловатіи бичи и узды железныя». В том же духе выдержан весь «страстной цикл», то есть свт. Димитрий идет еще дальше, чем «Страсти Христовы».

Можно предположить существование следующего процесса введения страстной темы в церковную литературу:

Первый этап — Средневековье — почитание Страстей Христовых тишиною после утрени Великого Пятка.

Второй этап — позднее Средневековье — возникновение обработки «Евангелия от Никодима», самобытного анонимного произведения «Страсти Христовы». Вместе с этим появление церковного чтения после службы Великого Пятка в отличие от предыдущего молчания после нее.

Третий этап — Ренессанс — знакомство с западной традицией напряженного внимания к стигматам и Крестному пути Спасителя.

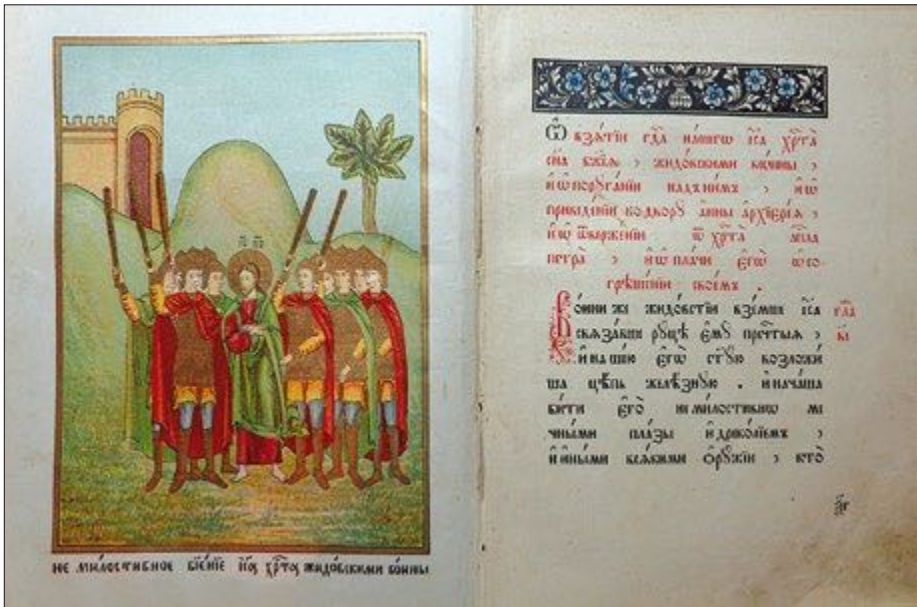
Четвертый этап — Барокко — введение митрополитом Петром Могилой чина пассий, а вместе с тем и возникновение проповеди на тему Страстей Христовых в творчестве разных авторов, в частности Иоанникия Галятовского, Антония Радивиловского и других.

Пятый этап — Барокко — творчество святителя Димитрия Ростовского, в котором тема Страстей и сострадания Христу достигла наивысшего развития.

Мы указываем на знакомство с западной, латинской, традицией, но не делаем на ней акцента как на главной причине развития страстной темы. «Страсти Христовы», как мы писали, были написаны в XV веке, то есть нельзя сказать, что до Ренессанса, до знакомства с западной традицией, этой заинтересованности не было. Второй и третий этапы, указанные нами, расположены в вольном порядке, какой из них шел первым — еще нужно исследовать. Возможно, если бы не было знакомства с западной традицией, процесс освоения страстной темы в православной литературе продолжался бы еще довольно долго. Не появилось бы насущной необходимости раскрыть эту тему в православной проповеди как можно скорее. Нельзя оставить без внимания и тот факт, что возникновение «Страстей Христовых» как самобытного произведения является следствием эпохи позднего Средневековья с ее расцветом церковной литературы и погруженностью в тему обожения, которое невозможно без сострадания, то есть без темы Христовых Страстей.

Итак, развитие страстной темы в литературе барокко продиктовано не столько какими-то католическими или православными произведениями, сколько самой эпохой, ее стилем мировосприятия. Это закономерный этап общего развития человеческого мышления, развития мировой философии, этической и эстетической мысли. Это тема, которая выше разделения католической и православной традиций в литературе, она намного древнее этого разделения, хотя и вспыхнула именно в эпоху наиболее острой полемики между католичеством и православием.

Для православного читателя немаловажно уяснить, что сама тема Христовых страданий, пристальное внимание к телесным мукам Спасителя и молитвенное сосредоточение на них, не является проникновением католической культуры в православную. Доказательством этого служит тот

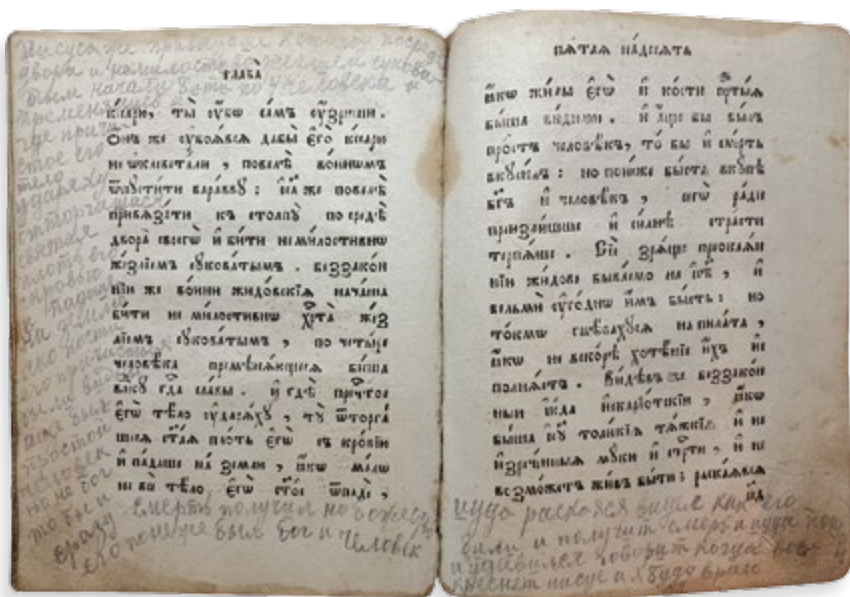

Избиение Христа. Иллюстрация из книги «Страсти Христовы». Старообрядческое издание. 1901. Из архива авторов

простой факт, что книга «Страсти Христовы», акцентирующая внимание на физических страданиях Богочеловека, получила широчайшее распространение в старообрядческой среде, столь чуткой к любому влиянию извне, к любой неправославной традиции.

Более того, именно благодаря старообрядцам и их книжным мастерским это сочинение дошло до нас. В сохранившихся экземплярах можно увидеть большое количество поздних приписок на полях тех страниц, где повествуется об избиении Иисуса, о несении Креста или о плаче Богородицы. Все записи носят скорбный характер и очень трогательны по своему содержанию. Также и застывшие на названных страницах капли воска свидетельствуют о том, что именно эти главы читались и перечитывались с особым благоговением и сопереживанием. О древности этой традиции свидетельствует и широкое распространение на Руси «Евангелия от Никодима», которое было переведено на славянский язык еще во времена христианизации и имело большое хождение среди русского народа, пока его не вытеснили более подробные по содержанию «Страсти Христовы». Эту, идущую из глубины веков, традицию и унаследовал св. Димитрий, ее и воплотил в своих произведениях, посвященных столь важной теме.

Итак, исследовав вероятные литературные источники страстных произведений Ростовского святителя, характер эпохи и ее влияние на формирование писательской личности св. Димитрия, нарисовав возможные закономерности развития страстной темы в церковной литературе, мы со-

Маргиналии на полях «Страстей Христовых». Старообрядческое издание. XIX в. Из архива авторов

знательно акцентируем внимание на творчестве святителя Димитрия как на наивысшем этапе развития страстной темы. Именно его произведения навсегда вошли в золотой фонд церковной литературы. Современный читатель редко обращается к проповедям Иоанкиия Галатювского, Лазаря Барановича и других авторов той поры. Из-за особенностей барочной стилистики — длины проповеди, чрезмерного количества сложных литературных тропов, академичных аллегорий, витиеватой стилистики — барочная проповедь отошла в прошлое. Этого нельзя сказать о произведениях Димитрия Ростовского, которые и сейчас издаются и пользуются спросом.

Итак, именно благодаря святителю Димитрию, его глубокому состраданию Христу и легкой стилистике его текстов, которая помогает донести это сострадание до читателя, страстная тема не осталась какой-то особенной барочной чертой, а стала одной из важных тем церковной литературы, получив свое продолжение и развитие в проповедях и богословских трудах архиепископов Иннокентия (Борисова) Херсонского (1800–1857) и Филарета (Гумилевского) Черниговского (1805–1866), протоиерея Иоанна Сергиева-Кронштадтского (1829–1908), митрополитов Антония (Храповицкого, 1863–1936) и Филарета (Вознесенского, 1903–1985) и других.

